

Главный избиратель все решил

Асланбек Аслаханов после разговора с Путиным принял "трудное решение" и снял свою кандидатуру на пост президента Чечни, получив за это, наверное, высокооплачиваемый пост. После разговора с Волошиным аналогичное решение принял Хусейн Джабраилов. Отстранен и третий относительно серьезный чеченский претендент Малик Сайдулаев.

Ясно, что Кремль стремится обеспечить победу тому, кого Путин - наш главный, если уже не единственный избиратель - выбрал чеченским президентом. Но ведь это можно сделать самыми разными способами и на любом этапе. Для имитации демократического процесса, наверное, было бы лучше, если бы Кадыров победил с какими-нибудь шестьюдесятью процентами. Тем не менее выбран способ наиболее радикальный и практически делающий бессмысленной предвыборную борьбу. Почему же Кремль пошел по этому пути?

Очевидно, Путин и его окружение боятся не просто того, что они не смогут провести Кадырова, а самой ситуации споров и взаимных обвинений кандидатов и их сторонников, в ходе которых они просто не могли бы не касаться больных тем (а в Чечне все темы - "больные"), не "наговорить лишнего" и не взбудоражить народ. Они боятся, что у чеченцев так много протестной энергии, что если они смогут говорить без страха и даже действительно поверят, что от их голосования что-то зависит, последствия могут быть "непредсказуемыми". Если в "стене безальтернативности" останутся хоть какие-то щели, в них может хлынуть поток чеченского сепаратизма и разрушить всю стену. Так же (с поправками на национальное своеобразие), как это в свое время произошло в советской Прибалтике.

Но как Прибалтика была "особой", но частью СССР, так и Чечня - часть России. Свободные выборы президента Чечни могли бы взбудоражить всю Россию. И наоборот, теперешние чеченские выборы - модель выборов для России. Кремль не просто хочет победы своих кандидатов, он хочет, чтобы выборы вообще не нарушали спокойствия в стране, проходили легко и незаметно и "не мешали работать". Вводя новые правила работы масс-медиа по освещению выборов, он стремится заделать все щели, в которые могут пролезть спонтанные народные чувства.

На путь превращения выборов в фикцию и ритуал мы встали с 1991 года, когда после беловежских соглашений победа оппозиции стала смертельно опасной и абсолютно недопустимой для власти перспективой. И сойти с этого пути мы уже не можем. Есть только одна дорога - вперед. Но чем более безальтернативными становятся выборы, тем больше накапливается подавленной общественной энергии, которая ищет выхода. И тем опаснее становятся все трещины и щели, через которые она может вырваться. Поэтому каждые следующие выборы должны быть более безальтернативны, чем предыдущие (в 2004 году Путин должен получить больше, чем в 2000-м).

Везде, во всех аспектах мы на новом витке спирали повторяем логику эволюции предшествующей формы российской безальтернативной власти. Советская власть, изначально не допускавшая возможность своего ухода, тем не менее вначале допускала даже ограниченную многопартийность и относительную свободу слова, а внутривластная демократия была вполне реальной. В конце же стало невозможным даже крохотное отступление от абсолютно ритуализированных процедур, стопроцентных голосований "за" и согласованных текстов выступлений. А в самом конце, когда власть решила сойти с этого пути, было уже поздно, и первые советские свободные выборы

стали последними.

Подавляя всякую спонтанность, альтернативность и непредсказуемость, власть делает неизбежным их возвращение в тысячекратно усиленном виде. Что накапливается в Чечне - более или менее ясно. Могут быть самые разные варианты развития событий, но при любом варианте через 20 - 30 лет чеченские парни и девушки будут назначать свидания на углу проспекта Дудаева и бульвара Масхадова. Что накапливается в России - значительно менее ясно. Но то, что раньше или позже теперешние российские спокойствие и безальтернативность сменятся полной непредсказуемостью, сомнений не вызывает.